

8И
Б-87

Брандес Г.

Собрание
сочинений

т. III.

1902.

8И

Б-87

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ГЕОРГА БРАНДЕСА

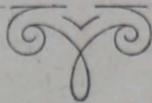
ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей

ПЕРЕВОДЪ съ ДАТСКАГО

подъ редакціей М. В. ЛУЧИЦКОЙ.

ТОМЪ III.

ДЕК 2011

Издание Б. К. ФУКСА.

ПРОВЕРЕНО

МОСКВА.
БИБЛИОТЕКА 6755
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ И УЧЕБНИКОВ

98

Дозволено цензурою. Кієвъ, 12-го Февраля 1902 года.

КІЕВЪ.
Типографія М. М. Фиха, Б. Васильковская, № 10.
1902.

ГЛАВНЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ XIX ВѢКА.

ЛИТЕРАТУРА ЭМИГРАНТОВЪ.

Памяти

Ганса Брөхнера

посвящаются

„Главныя теченія“.

Домашній идолъ изъ воска, на который никто не обращалъ вниманія, стоялъ около огня, гдѣ обжигались благородныя кампанейскія вазы, и началъ таять...

Онъ обратился съ горькими жалобами къ стихіи. Посмотри, сказалъ онъ, какъ жестоко относишься ты ко мнѣ! Вазамъ ты придаешь прочность, а меня губишь!

Но огонь отвѣтилъ: Тебѣ не на что жаловаться, развѣ только на собственную природу. Что до меня касается, то я вездѣ и всегда огонь.

В. Гейнзе.

Введеніе.

Цѣль настоящаго произведенія заключается въ слѣдующемъ: помощью изученія извѣстныхъ главныхъ группъ и главныхъ движеній въ европейской литературѣ нарисовать читателямъ въ общихъ чертахъ картину психологіи первой половины XIX-го вѣка. 1848 годъ, годъ бури въ европейской исторіи, обозначающей исторической поворотный пунктъ и временное завершеніе извѣстнаго историческаго состоянія, служитъ крайнимъ предѣломъ для моего изслѣдованія. Періодъ времени отъ начала столѣтія до его середины представляетъ сочетаніе многихъ разсѣянныхъ и, повидимому, не имѣющихъ ничего общаго другъ съ другомъ литературныхъ стремленій и явленій. Но тотъ, кто станетъ слѣдить только за главными теченіями въ литературѣ, не замедлитъ убѣдиться, что всѣ движенія могутъ быть сведены къ одному большому главному ритму: къ постепенному паденію и исчезновенію изъ жизни идей и чувствъ предшествовавшаго столѣтія и къ возвращенію идей прогресса новыми, все болѣе и болѣе высоко поднимающимися волнами.

Центральнымъ предметомъ настоящаго изслѣдованія являются: реакція, которая въ первыя десятилѣтія 19 вѣка царила въ видѣ противодѣйствія литературѣ XVIII вѣка, и пораженіе этой реакціи. Это историческое событіе по существу своему европейское и можетъ быть понято только при сравнительномъ изученіи литературы. Такое именно изученіе я и намѣренъ предпринять; я постараюсь прослѣдить сразу за главными движеніями въ германской, французской и англійской литературахъ, которыя въ этотъ періодъ времени оказываются наиболѣе выдающимися. Сравнительное изученіе литературы представляетъ двойное достоинство: оно приближаетъ къ намъ чужестранное, такъ что намъ легче усвоить его, и отдаляетъ отъ насъ наше собственное, такъ что мы можемъ созерцать его издали, въ общемъ. Научное изученіе литературы доставляетъ намъ какъ бы бинокль, одна сторона котораго увеличиваетъ, а другая уменьшаетъ. Надо дѣйствовать имъ такъ, чтобы исправлять обманы чувствъ, вызываемые естественнымъ зрѣніемъ. До сихъ поръ различныя народности стояли довольно далеко другъ отъ друга въ литературномъ отношеніи и лишь въ малой степени оказывались въ состояніи усвоить произведенія другъ друга. Желая составить

себѣ понятіе объ этихъ отношеніяхъ, какими они были и какими являются теперь, надо вспомнить старую басню объ аистѣ и лисицѣ. Мы всѣ знаемъ, что лисица пригласила къ себѣ въ гости аиста, но расположила всѣ лакомые куски приготовленные ею, на плоской тарелкѣ, такъ что аистъ со своимъ длиннымъ носомъ не могъ захватить ни одного кусочка. Извѣстно также, какъ отомстилъ за это аистъ. Онъ сложилъ всѣ свои жидкія и твердыя кушанья въ высокій сосудъ съ узкимъ и тонкимъ горлышкомъ, куда могъ просунуться длинный клювъ аиста, но никакъ не тупая мордочка лисицы. Подобнымъ же образомъ различныя націи въ теченіе долгихъ временъ являлись въ отношеніи другъ друга попеременно лисицами и аистами. Значительная часть задачъ эстетическаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы располагать на обѣденномъ столѣ лисицы кушанья аиста и наоборотъ.

Когда литература даннаго народа полна, закончена, она изображаетъ всю исторію его взглядовъ и чувствъ. Большія литературы, какъ напр., литературы Англии и Франціи, заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ достаточное количество данныхъ, на основаніи которыхъ можно опредѣлить, какимъ образомъ англійскій народъ и французскій мыслилъ и чувствовалъ къ каждый данный историческій періодъ. Другія литературы, напр., германская, современное развитіе которой начинается съ середины прошлаго столѣтія, гораздо менѣе интересна въ силу своей неполноты. Это еще болѣе вѣрно относительно литературы, развившейся такъ поздно, какъ датская. Изучать помощью ея всю жизнь чувствъ датскаго народа совершенно невозможно, для этого въ ней слишкомъ много пустыхъ промежутковъ. Существуютъ цѣлые періоды въ датской литературы, которые не оставили по себѣ ни одного хоть немного значительнаго поэтическаго или психолого-историческаго памятника. Что мыслили и что чувствовали въ такой періодъ, осталось для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Затѣмъ нашему маленькому и отдаленно лежащему отечеству предназначено было судьбою не брать на себя инициативы ни въ одномъ изъ великихъ европейскихъ событій. Не мы дали толчокъ великимъ переменамъ, мы только претерпѣли ихъ, если мы вообще поддались ихъ влиянію. Напр., идеи реформаціи мы почерпнули изъ Германіи, идеи революціи изъ Франціи. Датская литература составляетъ какъ бы небольшую часовню въ большой церкви; въ ней есть свой алтарь, но главный алтарь находится въ большой церкви, а не у нея. Поэтому въ Давіи не только были времена, относительно которыхъ намъ неизвѣстно, что мыслили и чувствовали тогда датчане; но есть времена, когда мыслили и чувствовали болѣе слабо и болѣе вяло, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Такимъ образомъ случается иногда, что одно изъ большихъ европейскихъ движеній затрогиваетъ насъ, другое нѣтъ. Одна изъ поставленныхъ задачъ глубоко интересуется насъ, другая нѣтъ. А иногда случается, что мы, не принимая участія въ дѣйствіи, широкія волны котораго достигаютъ нашихъ песчаныхъ береговъ только послѣ того, какъ они становятся плоскими и слабыми, впадаемъ въ реакцію.

Такого рода событіе произошло, какъ мнѣ кажется, въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Оно произвело на меня сильное впечатлѣніе и побудило предпринять изслѣдованія, результатомъ которыхъ является настоящее сочиненіе.

Всѣ знаютъ, какое грандіозное революціонное движеніе разразилось во всемъ мірѣ къ концу XVIII столѣтія, и къ какимъ послѣдствіямъ оно привело повсюду въ политикѣ и литературѣ. Во многихъ отношеніяхъ это движеніе не дошло до Даніи. Его умственнымъ исходнымъ пунктомъ является безусловная свобода изслѣдованія. Но свободная мысль, выступающая въ другихъ мѣстахъ въ такихъ смѣлыхъ формахъ и давшая такіе блестящіе результаты, явилась къ намъ въ жалкой поблѣднѣвшей формѣ теологическаго раціонализма. Гегель произнесъ слѣдующія прекрасныя слова: „Пока солнце стоитъ на небесномъ сводѣ, и пока планеты движутся вокругъ солнца, никто никогда не увидитъ, чтобы человѣкъ сообразовался въ своихъ дѣйствіяхъ съ чистою мыслью, или, иначе сказать, съ требованіями головы, и чтобы онъ старался преобразовать и передрать весь дѣйствительный міръ соотвѣтственно требованіямъ своего ума. Всѣ прежнія революціи преслѣдовали мѣстныя цѣли; только эта революція стремится преобразовать человѣчество“. Нельзя отрицать, что мы, датчане, вели себя до сихъ поръ прилично и не позволяли своей головѣ руководить нами. Но когда это могущественное движеніе, вызванное къ жизни сознаниемъ побѣды человѣческой мысли, фанатизмомъ чистой мысли, какъ всякая другая великая буря, вылившаяся за положенные ей предѣлы, вызвала въ свою очередь предохранительныя мѣры и реакцію, тогда мы приняли участіе въ реакціи. Ко всѣмъ нашимъ литературнымъ движеніямъ начала девятнадцатаго вѣка, къ поэтическимъ произведеніямъ Эленшлегера, къ проповѣдямъ Грундтвига, къ рѣчамъ Мюнстера и стихотвореніямъ Ингеманна примѣшивается сильный элементъ реакціи противъ XVIII вѣка. Что такого рода реакція произошла—это было совершенно естественно и вполне оправдывалось данными обстоятельствами. Но я считаю ничѣмъ неоправдываемымъ и неестественнымъ, что эта реакція все еще продолжаетъ существовать у насъ послѣ того, какъ она во всѣхъ другихъ мѣстахъ давно прекратилась и преодолѣна.

Прошу не толковать моихъ словъ превратно: я вовсе не считаю реакцію неизбежно шагомъ назадъ. Далеко отъ этого! Напротивъ того! Здравая всенаполняющая и исправляющая зло реакція составляетъ прогрессъ. Но подобная реакція сильна, кратка и никогда не тянется долго. Поборовшись нѣкоторое время съ крайностями предыдущаго періода или же вызвавъ наружу то, что было подавлено имъ, слѣдующій періодъ воспринимаетъ въ себя наиболѣе цѣнные элементы предыдущаго, примиряется съ ними и продолжаетъ возбужденное имъ движеніе. Но здѣсь этого не случилось. Когда лоза наклоняется въ одну сторону, ее исправляютъ, наклоняя ее въ противоположную,—но въ Даніи этимъ не ограничились. Реакція противъ XVIII-столѣтія продолжается медленно, вяло, съ перерывами; ей, кажется, не будетъ конца, и въ результатѣ получалось то,

что и наша литература впала въ полусонное состояніе, которое начинаетъ приводить въ удивленіе насъ самихъ. Поэтому мнѣ хочется описать, какимъ образомъ реакція, эта самая реакція, прекратилась въ другомъ мѣстѣ.

Я намѣреваюсь описать историческое движеніе, [носящее отпечатокъ и форму драмы. Шестъ различныхъ литературъ, которыя я предполагаю изобразить, могутъ быть сгруппированы въ видѣ шести дѣйствій грандіозной драмы. Въ первой группѣ, во французской литературѣ эмигрантовъ, вдохновляемой Руссо, начинается реакція, но здѣсь враждебныя свободѣ теченія еще повсюду примѣшиваются къ мятежнымъ. Во второй группѣ, въ романтической полу-католической школѣ Германіи, реакція разростается: она распространяется, расширяется, и все болѣе и болѣе удаляется отъ свободолюбивыхъ и прогрессивныхъ идей современности. Наконецъ, третья группа, созданная такими писателями, какъ Жозефъ-де-Мэстръ, какъ Ламеннэ, въ этотъ строго правовѣрный періодъ его жизни, какъ Ламартинъ и Викторъ Гюго въ то время, когда они послѣ возстановленія королевства были еще лучшими опорами легитимистовъ и клерикаловъ, обозначаетъ собою сильную, торжествующую реакцію. Байронъ и его окружающіе образуютъ четвертую группу. Этотъ одинъ человекъ производитъ полный переворотъ въ великой драмѣ. Вспыхиваетъ греческая война за свободу, свѣжее дуновеніе проносится по Европѣ, Байронъ падаетъ какъ герой въ защиту греческаго дѣла, и его смерть производитъ грандіозное впечатлѣніе на всѣ прогрессивныя умы и за предѣлами Англіи. Не задолго до іюльской революціи великіе писатели Франціи образуютъ пятую группу: французскую романтическую школу, и новое свободомыслящее направленіе обозначается такими именами, какъ Ламеннэ, Гюго, Ламартинъ, Мюссе, Жоржъ Зандъ и мн. др. И такъ какъ движеніе изъ Франціи переходитъ на Германію, то свободомысліе побѣждаетъ и въ этой странѣ, и шестая и послѣдняя группа писателей, которую я намѣренъ описать, одушевляется идеями войнъ за освобожденіе и іюльской революціи и, подобно французскимъ поэтамъ, видитъ въ великой тѣни Байрона вождя движенія свободы. Писатели молодой Германіи, между которыми самыя выдающіеся—Гейне и Берне, еврейскаго происхожденія, готовятъ наравнѣ съ современными имъ французскими писателями переворотъ 1848 г.

Я думаю, что изъ этой великой драмы мы можемъ вынести урокъ для себя. На этотъ разъ, какъ и обыкновенно, мы отстали отъ Европы на 40 лѣтъ. Давно уже въ литературѣ этихъ большихъ странъ революціонный потокъ привялъ въ себѣ боковые истоки и сорвалъ плотины, заграждавшія ему путь; послѣ чего былъ раздробленъ на множество каналовъ. Мы же все еще работаемъ надъ тѣмъ, чтобы остановить его и удержать въ болотѣ реакціи. Но мы достигли этимъ только одного—заставили замереть и всю нашу литературу.

Не трудно согласиться съ тѣмъ, что датская литература никогда еще въ теченіе цѣлаго девятнадцатаго столѣтія не находилась въ такомъ состояніи замиранія, какъ именно теперь. Поэтическая производительность почти совер-

шенно прекратилась и никакой общій вопросъ относительно человѣческой жизни или общества не въ силахъ возбудить участіе или вызвать что-либо другое, кромѣ газетной литературы, кромѣ произведеній, могущихъ существовать лишь въ теченіе двадцати четырехъ часовъ. Датчане никогда не обладали сильною производительностью, теперь же наступилъ совершенный застой въ дѣлѣ усвоенія чужестранной умственной жизни, и умственная вялость привела съ собою отупѣніе, подобно тому какъ глухота вызываетъ нѣмоту.

Что литература живетъ полною жизнью и въ наши дни, доказывается тѣмъ, что она подвергается постоянно преніямъ все новыя и новыя задачи. Такъ напр., Жоржъ Зандъ ставитъ на обсужденіе вопросъ объ отношеніяхъ между полами, Байронъ и Фейербахъ вопросъ о религіи, Прудонъ и Стюартъ Милль вопросъ о собственности, Тургеневъ, Шпильгагенъ и Эмиль Ожье вопросъ объ общественныхъ отношеніяхъ. Литература, не ставящая никакихъ вопросовъ для обсуждения, близка къ тому, чтобы утратить всякое значеніе. Народъ, производящій подобную литературу, можетъ воображать, что спасеніе міра будетъ исходить отъ него, но ему придется разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: подобный народъ такъ же мало принесетъ пользы дѣлу развитія и прогресса, какъ мало пользы принесла муха, вообразившая, что она толкаетъ впередъ экипажъ въ то время, когда она только давала четверкѣ лошадей незначительные уколы.

Въ такомъ обществѣ могутъ сохраниться многія добродѣтели, напр., воинственное мужество, но такого рода добродѣтели не могутъ поддерживать литературы, разъ умственное мужество пало и изсякло. Всякая окаменѣлая реакція—тиранническая, и когда общество дошло до того, что подъ маскою свободы носить черты тираніи, когда для публичнаго выраженія свободомыслящихъ идей или представленій требуется формальное разрѣшеніе со стороны общества, со стороны уважаемой части печати, со стороны значительнаго числа государственныхъ чиновниковъ, тогда, конечно, требуются и далеко не обыденныя условія для образованія тѣхъ способностей и тѣхъ характеровъ, на которыхъ зиждется прогрессъ общества. Въ случаѣ если въ подобномъ обществѣ развивается какой-либо видъ поэзіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, если главное содержаніе этой поэзіи будетъ заключаться въ томъ, чтобы осмѣивать и срамить это общество. Такого рода поэзія будетъ вновь и вновь называть современныхъ людей негодьями, и можетъ быть намъ придется дойти до того, что тѣ именно сочиненія будутъ больше всего прославляться и раскупаться (напр. Ибсеновскій „Брандъ“), въ которыхъ читатель сначала съ нѣкоторымъ ужасомъ, а затѣмъ съ нѣкоторымъ сладострастіемъ почувствуетъ, какой онъ жалкій червь, какъ онъ слабъ и ничтоженъ. Намъ, можетъ быть, придется еще увидѣть, какъ слово воля сдѣлается лозунгомъ, любимымъ наименованіемъ для такого рода поколѣнія, такъ что оно будетъ требовать драмъ съ волею въ основѣ ихъ и такого же рода философій. Требуютъ того, чего не имѣютъ, кричатъ много о томъ, на что есть наибольшій спросъ. Но мы ошиблись бы, если бы пришли въ уныніе и вообра-

быть можетъ, приносить вредъ какъ ихъ таланту, такъ и ихъ характеру“. Чувствуешь императорскаго чиновника, враждебнаго въ то же время Наполеону, въ этомъ хорошо написанномъ парадоксѣ. Но во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы Барантъ былъ несправедливъ, цѣня такъ высоко Монтескье. Другіе писатели его времени обладали большимъ геніемъ; но свѣдѣнія изъ практической жизни, изъ сферы администраціи и управленія, которыми обладалъ Монтескье, придавали ему то знаніе, котораго недоставало его собратьямъ по перу, и ту умѣренность, которая именно въ началѣ XIX столѣтія должна была представлять особенную цѣну. У Монтескье Барантъ хвалитъ также многое такое, что онъ жестоко осуждаетъ у другихъ. Онъ совѣтуетъ читателю сравнить сочиненіе Монтескье о духѣ законовъ съ болѣе старымъ трудомъ Дюма о томъ же предметѣ, чтобы убѣдиться въ прогрессѣ, сдѣланномъ знаніемъ благодаря Монтескье, такъ какъ онъ сумѣлъ, не устраняя уваженія къ религіи, разсматривать ее какъ второстепенную причину *).

Дидро—тотъ изъ великихъ писателей, передъ которымъ Барантъ останавливается съ наибольшимъ недоумѣніемъ; его сужденіе о Дидро до крайности ограничено. Бурное и пылкое въ этомъ умѣ заслоняетъ отъ Баранта его геніальность. Геній, необузданность котораго напоминаетъ по временамъ стихійную силу, такъ же мало могъ быть понятъ Барантомъ, какъ и всѣмъ напуганнымъ и разочарованнымъ поколѣніямъ, къ которому онъ принадлежитъ. Дидро долженъ былъ въ гораздо большей степени понравиться свободнымъ отъ предрассудковъ литераторамъ-нѣмцамъ, чѣмъ своимъ щепетильнымъ соотечественникамъ. Самъ Гете перевелъ его „Le neveu de Rameau“, а Гегель разобралъ его самымъ пространнымъ образомъ въ своей „Phänomenologie des Geistes“; но Барантъ, который со страстью осуждаетъ постоянныя и переходящія за разрѣшенные предѣлы нападки Дидро на религію, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его: „Онъ обладалъ пылкимъ и беспорядочнымъ характеромъ. Но его умъ представлялъ огонь безъ пищи, а талантъ, и въ который проблескъ котораго онъ выказалъ, не получилъ цѣльнаго примѣненія“. Вполнѣ естественно, что болѣе натуралистическій писатель XVIII вѣка былъ оцѣненъ ниже всего подростяющимъ поколѣніемъ идеалистовъ.

Руссо, позднѣйшій изъ писателей XVIII в., призванныхъ на судъ XIX вѣкомъ, обладалъ кое-какими свойствами, которыя должны были привлечь къ нему сердце Баранта. Онъ былъ единственный сентиментальный между ними, а новое столѣтіе начало съ сентиментальности. Онъ, наконецъ, былъ самымъ одинокимъ изъ нихъ, а новое столѣтіе цѣнило личность, какъ единицу. Онъ стоялъ вдали отъ общества философовъ и энциклопедистовъ. Оригинальная и несчастная жизнь

*) Alors on pourra distinguer, comment la religion, respectée par Montesquieu, était pourtant jugée par lui tandis, que Domat l'avait seulement adorée, et en avait fait tout découler, au lieu de la considerer comme accessoire.

наложила особый отпечатокъ на все его существо. Безъ семьи, безъ друзей, безъ родины вступилъ онъ въ жизнь, а сдѣлавшись писателемъ началъ осуждать общество вмѣсто того, чтобы льстить ему; онъ старался не повравиться господствующему общественному мнѣнію, но образовать новое; это ему удалось, и въ то время, какъ другіе писатели нравились, онъ возбуждалъ мечтательное настроеніе. Все это должно было сразу расположить къ нему Баранта. Но достаточно только сравнить его мнѣнія о Руссо съ тѣми, которыя его пріятельница г-жа Сталь высказала относительно дѣятельности Руссо въ книгѣ, изданной двадцать лѣтъ раньше, чтобы понять, какъ сильно двинулась впередъ реакція противъ духа предшествовавшаго столѣтія. Если онъ и останавливается долго на нечистыхъ сторонахъ жизни Руссо и на дурныхъ особенностяхъ его характера, то это вполнѣ основательно, и его описаніе составляетъ лишь совершенно естественный противовѣсъ горячей защитительной рѣчи г-жи Сталь. Его строгое сужденіе о политическихъ ученіяхъ Руссо проникнуто гораздо большимъ критическимъ чутьемъ и болѣе зрѣлымъ духомъ, чѣмъ совершенно женская попытка г-жи Сталь одобрить ихъ за малыми исключеніями. Но въ оцѣнкѣ религіозно-реформаторской дѣятельности Руссо Барантъ значительно уступаетъ г-жѣ Сталь. Обсуждая знаменитое *profession de foi* Руссо, изложеніе такъ называемой естественной религіи, онъ однимъ изъ главныхъ своихъ возраженій выставляетъ то, что это религія безъ богослуженія, и говоритъ: „Это не должно удивлять насъ у Руссо, потому что морали безъ дѣла должна обязательно соответствовать и религія безъ богослуженія“. Такимъ образомъ консервативныя убѣжденія приводятъ какъ бы чародѣйствомъ либеральнаго въ религіозномъ отношеніи критика выступить въ защиту унаслѣдованныхъ церковныхъ обрядностей противъ Руссо.

Причина всѣхъ этихъ органиченныхъ и несправедливыхъ сужденій у Баранта та же, которая позже, въ эпоху владычества благаго и трехцвѣтнаго знамени монархіи, порождаетъ столько лживаго и двусмысленнаго и у другихъ либеральныхъ писателей: спиритуалистическая философія, которая теперь впервые появляется во Франціи и послѣ продолжительной борьбы получаетъ въ ней господство, пока, наконецъ, въ лицѣ Кузена и его школы, не возводится на степень государственной философіи. Если бы это ученіе, подобно другимъ, удовлетворилось развитіемъ своихъ основныхъ принциповъ и положеній и возможно болѣе яснымъ и убѣдительнымъ ихъ изложеніемъ, тогда это была бы философія, подобная всѣмъ другимъ, философія, которая могла возбудить противодѣйствіе, но никакъ не раздраженіе или презрѣніе. Но оказалось, что у органовъ этого ученія и притомъ почти во всѣхъ странахъ, въ которыхъ они выступали на сцену, обнаружился съ самаго начала не научныя, а зловѣщія наклонности. Представители этой философіи заботились гораздо меньше о томъ, чтобы доказать ея положенія, чѣмъ о томъ, чтобы выставить на видъ свои нравственныя и религіозныя качества. Они гораздо менѣе заботились о томъ, чтобы разубѣдить своихъ против-

никовъ, чѣмъ о томъ, чтобы отрицать у нихъ чувство благороднаго, высшій полетъ ума, сознание долга и вдохновеніе.

У г-жи Сталь боязнь сенсуализма была слѣдствіемъ постороннихъ обстоятельствъ. Великодушная женщина, которая со всею своею любовью къ правдѣ осталась дилетантомъ въ философіи, боится наивно, чтобы сенсуалистическое ученіе не уничтожило въ умахъ всякое стремленіе къ сопротивленію, не заставило ихъ покорно склонить свою голову подъ ярмо наполеоновскаго деспотизма, и изъ любви къ свободѣ она подымаетъ оружіе противъ этого ученія. Барантъ, какъ мужчина, не можетъ въ оправданіе свое приводить такого рода извиненія. И ему также Декартъ и Лейбницъ кажутся не только великими мыслителями, но и провозгласителями нравственнаго принципа въ метафизикѣ, какъ будто нравственныя понятія могутъ найти примѣненіе въ метафизикѣ. „Весьма можетъ быть, говоритъ онъ, что имъ случалось иногда блуждать въ туманной области, но по крайней мѣрѣ они слѣдовали всегда въ возвышенному направленію; ихъ ученіе согласовалось всегда съ идеями, волнующими насъ, когда мы задумываемся надъ самими собою, и этотъ путь велъ ихъ неизбѣжно къ благороднѣйшимъ наукамъ, къ религіи и морали“. А затѣмъ онъ рассказываетъ, какимъ образомъ человѣчество устало слѣдовать за ними, какимъ образомъ оно повернуло на путь, проложенный Локкомъ и Юмомъ, и излагаетъ это не какъ противоположную, воплѣ законную односторонность, а какъ униженіе человѣческаго существа, какъ „поруганіе науки“. Онъ находитъ вполне естественнымъ бороться со Спинозою (котораго онъ ставитъ въ одинъ разрядъ философовъ съ Гоббесомъ) не только доводами, но и „силою негодованія“. *)

Онъ противопоставляетъ эмпирикамъ извѣстное ученіе Канта о томъ, что категоріи ума даны намъ вмѣстѣ со всѣмъ его строемъ, и развиваетъ мысль, что совокупность религіозныхъ представленій является врожденною у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. „Вездѣ и всегда, говоритъ онъ, мы встрѣчаемъ вѣру въ загробную жизнь, почтеніе къ мертвымъ, погребеніе ихъ въ убѣжденіи, что жизнь не закончилась для нихъ, наконецъ вѣру, что природа была нѣкогда сотворена и должна современемъ прійти къ концу“. Для него, какъ и для Бенжамена Констана, въ этомъ заключаются тѣ психологическіе элементы, которые образуютъ прочный фундаментъ религіи. Онъ не понимаетъ, что ихъ можно свести къ еще болѣе простымъ элементамъ, лежащимъ за предѣлами религіознаго чувства, потому что онъ не изслѣдуетъ свободно, а считаетъ честью принимать на себя то, что онъ называетъ славнымъ наслѣдствомъ высокой философіи (*le glorieux héritage de la haute philosophie*).

И совершенно подобнымъ же образомъ онъ горячо ратуетъ противъ попытокъ обосновать нравственность на опытѣ. „Вмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы исходить изъ чувства справедливости и сочувствія, гнѣздящагося въ душѣ каж-

*) De la litt. française, 213.

даго человѣка, стараются основать нравственность на стремленіи къ самохраненію и благосостоянію“. Онъ, очевидно, не понимаетъ глубоко философскаго инстинкта, побудившаго мыслителей противоположной школы разложить идею справедливости на ея основные элементы и показать, какимъ образомъ они возникаютъ и образуются. Онъ только доказываетъ горячо то, что этимъ путемъ люди не могли бы никогда дойти до религіи откровенія: „Вѣдь божественныя ея доказательства были отвергнуты невѣріемъ“. *) Тотъ самый мыслитель, который восхваляетъ „Персидскія письма“ Монтескье и одобряетъ этого писателя за то, что онъ относится къ религіи, какъ къ второстепенному предмету, приходитъ въ ужасъ (побуждаемый къ тому половинчатостью своего времени) передъ попыткою эмпирическаго философа отыскать основные элементы, содѣйствующіе образованію идеи справедливости. Мы встрѣчаемъ уже у Баранта, какъ было указано выше, нелѣпую игру съ двусмысленностью въ словѣ сенсуализмъ, которая въ теченіе цѣлаго столѣтія служила орудіемъ въ рукахъ лицемѣрія и низости: слово сенсуализмъ употреблялось то для обозначенія опредѣленнаго ученія о познаніи, къ которому оно обыкновенно примѣняется, то какъ обозначеніе чувственности, чувственныхъ наслажденій или ученія о томъ, что удовлетвореніе чувственности—цѣль жизни. У Баранта, какъ впоследствии у Кузена, мы находимъ поверхностный и ненаучный спиритуализмъ, который развивается во Франціи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, и превозносится, какъ философія, поддерживающая добродѣтель и добрые нравы.

Г-жа Сталь сочинила для одной изъ газетъ этого времени, „*Mercur de France*“, рецензію на сочиненіе Баранта, которую тогдашняя цензура не разрѣшила печатать, но которая впоследствии появилась въ свѣтъ въ неизмѣненномъ видѣ. Она заключаетъ всего три листа, но критику не надо большихъ доказательствъ, чтобы убѣдиться въ геніальности писательницы. Она прежде всего въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ восхваляетъ раннюю зрѣлость и рѣдкую умѣренность автора и только скорбитъ о томъ, что онъ не чаще отдается своимъ впечатлѣніямъ, и напоминаетъ ему, что за сдержанностью не всегда скрывается сила. Затѣмъ она съ удивительною проницательностью разглядываетъ умственный отпечатокъ наступающаго столѣтія за случайными и личными недостатками и достоинствами книги Баранта. Повидимому, прочитавъ это сочиненіе, она почувствовала внезапно, со всею силою убѣжденія, какъ глубоко она сама, со всею своею жаждою дѣятельности, своимъ умомъ, жаждущимъ улучшеній, тѣсно связана съ предыдущимъ столѣтіемъ, проникнутымъ вѣрою въ прогрессъ; только эта книга, повидимому, убѣдила ее, что переходное время изъ одного столѣтія въ другое закончилось, и она ужасается при видѣ смиренія передъ существующимъ, фатализма, преклоненія передъ совершившимся фактомъ, которымъ вѣтъ отъ

*) On arriva bientôt à tout nier; déjà l'incrédulité avait rejeté les preuves divines de la révélation et avait abjuré les devoirs et les souvenirs chrétiens.

этого произведенія. Она предчувствуетъ, что смиреніе подъ гнетомъ обстоятельствъ сдѣлается одною изъ характеристическихъ чертъ новаго столѣтія, она предвидитъ, что его философія будетъ въ значительной степени состоять въ доказательствѣ разумности существующаго; съ провицательностью генія она различаетъ всю двусмысленность, которая будетъ соединяться со словомъ „существующее“, и предвидитъ, въ какой лозунгъ безъидейнаго поддержанія существующаго строя оно обратится. И она заканчиваетъ свою рецензію слѣдующими словами, запечатлѣнными пророческою мудростью:

„XVIII вѣкъ провозглашалъ принципы слишкомъ безусловнымъ образомъ; можетъ быть XIX вѣкъ начнетъ изъяснять факты, слишкомъ глубоко преклоняясь передъ ними. Первый вѣрилъ въ природу вещей, второй будетъ вѣрить только въ обстоятельства. Первый хотѣлъ повелѣвать будущимъ, второй ограничивается изученіемъ людей. Авторъ книги, о которой я говорю, быть можетъ, тотъ изъ писателей, который раньше всѣхъ остальныхъ самымъ рѣзкимъ образомъ принялъ окраску новаго столѣтія“.

Это замѣчаніе также мѣтко оформлено, какъ и богато содержаніемъ. Никто изъ другихъ умственныхъ дѣятелей, близкихъ къ этой великой женщинѣ, не удалился такъ рѣшительно отъ предыдущаго столѣтія, какъ тотъ, который позднѣе всѣхъ выступилъ на сцену, — Барантъ. Другіе поочередно изъ обломковъ тонувшаго корабля XVIII столѣтія вскарабкивались на корабль XIX-го и затѣмъ нагружали его разнаго рода веществами и сѣменами, которыя онъ долженъ былъ везть; но корабль продолжалъ стоять бортъ о бортъ съ потонувшимъ, крѣпко привязанный къ его краю. Барантъ оказался тѣмъ человѣкомъ, который разрушилъ связывающую корабль веревку и толкнулъ судно въ широкое міровое море.

XV.

Вся литературная группа, за образованіемъ и развитіемъ которой мы прослѣдили, стоитъ передъ нами точно сплоченное цѣлое. Множество пересѣкающихъ другъ друга мыслей распространяются отъ одного произведенія къ другому, и наше изложеніе только выяснило съ полною очевидностью внутреннюю, существующую между ними связь, не похожую на ту, которая произвольно соединяетъ между собою различныя единицы. Надо только замѣтить, что эта совокупность произведеній, этотъ кружокъ писателей образуютъ только группу, а никакъ не школу. Потому что группа образуется благодаря естественному, невольному соединенію умовъ и произведеній, обнаруживающихъ общее направленіе; но школа образуется тогда, когда писатели вполне сознательно соединяются подъ руководствомъ того или другого болѣе или менѣе опредѣленнаго убѣжденія.

Литература эмигрантовъ, будучи французскою, развилась за предѣлами Франціи. Чтобы понять ее, необходимо имѣть постоянно передъ глазами краткую и бурно волнующуюся эпоху, во время которой старый общественный строй былъ

разрушенъ, легитимность взорвана на воздухъ, властвующіе классы низвергнуты на земь, а положительная религія отброшена въ сторону людьми, которые скорѣе помощью воинствующей философіи, чѣмъ помощью чисто научнаго образованія освобождались отъ ея ига. Своими безпощадными и не всегда честными нападками на нее они раздражали всѣхъ, кто болѣе или менѣе смутно чувствовалъ несправедливость за обвиненіями, направленными противъ стараго режима, и чьи умственные и нравственные стремленія, чья жизнь чувствъ не могли никоимъ образомъ удовлетвориться новымъ положеніемъ дѣлъ. Чѣмъ менѣе реальными и непримѣнными къ дѣйствительной жизни выказывали себя идеи гуманности и прогресса, тѣмъ быстрѣе приближался поворотъ въ симпатіяхъ и настроеніяхъ. Наконецъ онъ наступилъ, и реакція началась. Я уже описывалъ, какимъ образомъ она при своемъ первомъ появленіи отличалась всегда условностью, какимъ образомъ идеи революціи постоянно припутывались къ идеямъ, приводившимъ къ реакціи противъ Вольтера, и мы видѣли, какъ всѣ писатели, руководившіе реакціею, были тѣсно связаны съ XVIII вѣкомъ, гдѣ находился ихъ исходный пунктъ, и какъ они часто поддавались воспоминаніямъ прошлаго и чувствовали стремленіе вернуться къ идеямъ оставленнаго ими вѣка. Они всѣ, такъ сказать, исходили изъ Руссо. Главная ихъ характеристическая черта заключается въ томъ, что они берутъ оружіе Руссо и направляютъ его противъ противника Руссо— Вольтера. Только самый младшій изъ нихъ, Барантъ, можетъ по справедливости сказать, что онъ отрекся отъ всякой личной родственной связи съ Руссо.

За этими писателями слѣдовала во Франціи другая группа консервативныхъ писателей, которые были также въ большинствѣ случаевъ эмигрантами и являлись защитниками безусловной принципиальной реакціи. Произведенія этихъ писателей образуютъ въ соединеніи съ отдѣльными сочиненіями уже выступившихъ на сцену, прогрессивныхъ въ художественномъ отношеніи, но реакціонныхъ въ государственныхъ и церковныхъ вопросахъ писателей, въ родѣ Шатобріана, и вмѣстѣ съ нѣкоторыми реакціонными юношескими работами радикальныхъ послѣдствіи писателей, въ родѣ Ламартина и Виктора Гюго, группу, которая безусловно придерживалась старыхъ воззрѣній, провозглашая своею руководящею идеею принципъ авторитета. Среди нея стоятъ люди въ родѣ Жозефа де Мэстра, Бональда и Ламеннэ.

Подъ именемъ литературы эмигрантовъ я, напротивъ того, изложилъ здѣсь и соединилъ болѣе здравыя литературныя произведенія, въ которыхъ реакція еще не обратилась въ полное подчиненіе властямъ, а представляетъ естественное и вполне обоснованное провозглашеніе чувства, души, страсти и поэзіи въ противоположность разсудочной холодности, тщательной расчетливости литературы, скованной со всѣхъ сторонъ правилами и мертвыми традиціями, литературы, въ родѣ той, которая во время имперіи влачила жалкое и безкровное существованіе на собственной почвѣ Франціи. Послѣдующая группа, благодаря своему болѣе тѣсному сплоченію вокругъ одного руководящаго принципа, представляетъ несо-

миѣнно болѣе рѣзкія и сухія очертанія. Въ первой группѣ, напротивъ того, больше жизни, больше настроенія, больше волнующейся силы.

Писатели и произведенія литературы эмигрантовъ освѣщены какъ бы мерцающимъ свѣтомъ. Они появляются среди сумерокъ начинающагося столѣтія. Первые лучи утренняго солнца XIX вѣка падаетъ на нихъ и медленно разсѣваетъ покрывало оссіановскаго тумана и вертеровской меланхоліи, покрывающаго ихъ. Чувствуешь, что за ними скрывается ночь съ ея безобразными и кровавыми воспоминаніями,—они выглядятъ такими блѣдными и серьезными. Но ихъ печаль пропикнута поэзіею, ихъ меланхолія возбуждаетъ участіе, и чувствуешь находящіяся въ броженіи силы въ страстномъ взрывѣ, которымъ они обнаруживаютъ свое горе по поводу того, что они не могутъ начать свой дневный трудъ, продолжая работу предшествовавшаго дня, а должны стоять въ сомнѣніи передъ фундаментомъ, возведеннымъ предыдущимъ днемъ, и съ трудомъ собирать обломки, оставленные имъ ночью разрушенія.

Поэтому литература эмигрантовъ—глубоко прочувствованная литература.

Шатобріанъ первый пробился впередъ со своими повѣстями, проникнутыми дикою страстностью и наполненными сильными, яркими описаніями природы. Все въ нихъ горитъ и пылаетъ отъ католическаго экстаза и сатанинской эротики; но среди огня возвышается, точно каменная статуя, современная личность, эгоистичный, углубленный въ самомъ себѣ Рене.

Севанкуръ даетъ сочиненіе, въ которомъ замѣчательно задушевнымъ образомъ сливаются въ одно современный либерализмъ съ его романтическими стремленіями, германская чувствительность и отвращеніе къ дѣйствительной жизни съ романскимъ утонченнымъ сенсуализмомъ, мятежное стремленіе обсуждать каждый возникающій вопросъ съ самоубійственными мечтаніями о самопожертвованіи.

Къ этому хору примѣшиваетъ свой голосъ и Ноде. Изящный, гибкій, фантастичный, полный страсти къ противорѣчію, онъ нападаетъ на Наполеона и существующій общественный строй, прославляетъ Клопштока и монастырскую жизнь; наивный какъ дитя и ученый какъ старикъ онъ ищетъ мученичества, только чтобы имѣть удовольствіе сознавать себя преслѣдуемымъ и получить возможность предаться въ уединеніи наукамъ. Непрестанно прогрессируя самъ, онъ дѣлаетъ вѣру въ прогрессъ предметомъ своихъ постоянныхъ насмѣшекъ.

Констанъ выступаетъ впередъ какъ политикъ и какъ диллетантъ въ беллетристикѣ, въ которой онъ посрамляетъ мастеровъ. Его умъ, точно маятникъ часовъ, движется между идейными жизнями двухъ столѣтій; по врожденнымъ способностямъ онъ дитя XVIII вѣка, по своему образованію и по преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ онъ принадлежитъ къ эпохѣ конституцій и великихъ научныхъ открытій. Въ своемъ единственномъ поэтическомъ произведеніи онъ даетъ современникамъ образецъ психологическаго описанія и указаніе на то, какъ много добрыхъ чувствъ и силъ было принесено въ жертву на алтарь современнаго общественного строя.

Но французская литература эмигрантовъ впервые уяснила себѣ вполнѣ свои стремленія и свое направленіе черезъ посредство г-жи Сталь. Образъ этой женщины господствуетъ надъ всею группою. Въ ея сочиненіяхъ соединено все самое великое, самое обоснованное въ произведеніяхъ эмигрантовъ. Борьба съ прошлымъ и влеченіе къ будущему, которыя у другихъ членовъ группы раздваиваютъ ихъ дѣятельность и вносятъ разложеніе въ ихъ произведенія, концентрируются у нея въ одномъ стремленіи, которое нельзя назвать ни реакціоннымъ, ни мятежнымъ, а которое заслуживаетъ названіе реформаторскаго. Какъ и остальные писатели, она опирается на Руссо; какъ и другіе, она скорбитъ объ излишествахъ революціи; но больше всѣхъ другихъ она любитъ личную и политическую свободу. Она борется съ единодержавіемъ въ государствѣ и съ ханжествомъ въ обществѣ, съ національнымъ высокомеріемъ и религіозными предрасудками. Она распространяетъ во Франціи свѣдѣнія о народномъ духѣ сосѣднихъ странъ и о ихъ литературѣ; она своими руками разрушаетъ стѣну самодовольства, въ которую замкнулась побѣдоносная Франція. Барантъ своимъ описаніемъ Франціи въ XVIII вѣкѣ только продолжаетъ и заканчиваетъ ея трудъ.

Литература, къ которой г-жа Сталь примыкаетъ въ послѣдніе годы своей дѣятельности и чьи идеи чувствуются и у Баранта—та, исторія развитія которой естественно примыкаетъ къ литературѣ эмигрантовъ, именно романтической литературный міръ Германіи. Вся группа книгъ, которую я обозначилъ общимъ именемъ литературы эмигрантовъ, можетъ быть названа романтикою, предшествующею романтизму, въ особенности предшествовавшей великой романтической школѣ во Франціи, которую она предвѣщаетъ и предрекаетъ. Но въ то же время, частью благодаря невольному совпаденію, частью въ силу вліянія, она обнаруживаетъ много точекъ соприкосновенія и съ германскимъ духомъ и его романтизмомъ. Поэтому г-жа Сталь называетъ въ своей книгѣ „О Германіи“ Руссо, Бернардена де-Сенъ-Пьера и Шатобріана „безсознательными нѣмцами“, и поэтому мы постоянно встрѣчаемъ ссылки на романтизмъ и постоянныя обсужденія этого слова и этого понятія у писателей и писательницъ литературы эмигрантовъ.

Но они не только предвѣщаютъ появленіе великихъ умовъ, которые послѣ нихъ должны выступить на сцену столѣтія, они сами являются удивительными ихъ прообразами. Шатобріанъ, какъ романтической колористъ, предвосхищаетъ Виктора Гюго, а какъ уставшій отъ жизни меланхоликъ—Байрона. Сенанкуръ, задолго до возникновенія романтической школы, ударяетъ по струнамъ, на которыхъ играетъ впоследствии Сенъ-Бевъ. Нодье своею филологическою и археологическою ученостію, своимъ строгимъ и чистымъ языкомъ и своими фантастическими, причудливыми темами является предшественникомъ Мериме. Констанъ описываетъ героиню Бальзака задолго до того, какъ во Франціи выработалась грандіозная литература романовъ; какъ политикъ, онъ, несмотря на свой либерализмъ и свое враждебное отношеніе къ церкви, обнаруживаетъ нѣкоторое

сходство съ выдающимся романтическимъ политикомъ, нѣмцемъ Генцемъ. Барантъ подготавливаетъ свою спиритуалистическую и все же фаталистическую философію литературы ту критику и эстетику, которая сѣла на пьедесталь въ лицѣ Виктора Кузена. Наконецъ, г-жа Сталь предвѣщаетъ величайшую писательницу XIX вѣка, менѣе аристократичную, чѣмъ она, но гораздо болѣе гениальную и плодотворную, поэтессу и мыслительницу Жоржъ-Зандъ.

Исторія литературы цѣлой части свѣта на пространствѣ цѣлаго полуострова не можетъ, повятно, начинаться какимъ нибудь опредѣленнымъ пунктомъ. Исходный пунктъ, избранный авторомъ, можетъ всегда показаться случайнымъ или произвольнымъ; но авторъ долженъ въ этомъ случаѣ довѣриться своему инстинкту и своему критическому чутью, иначе ему никогда не придется начать свое повѣствованіе. Литература эмигрантовъ показала мнѣ естественнымъ исходнымъ пунктомъ, указаннымъ самою исторіею. Эта группа писателей, съ одной стороны, вводитъ насъ въ дальнѣйшую религіозную и политическую реакцію въ французской литературѣ, а съ другой стороны, прокладываетъ путь для романтической школы во Франціи. Она подготавливаетъ насъ къ изученію и пониманію романтической школы въ Германіи и обнаруживаетъ даже нѣкоторые пункты соприкосновенія съ такими отдаленными явленіями, какъ Байронъ и Бальзакъ.

Литература эмигрантовъ, однимъ словомъ, представляетъ увертюру великой литературной драмы девятнадцатаго вѣка.
